

На правах рукописи

ОСПЕННИКОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПРАВО ГОСУДАРСТВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ В XII-XV ВВ.

Специальность - 12.00.01. - теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

КАЗАНЬ 2010

*Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права
ФГОУ ВПО «Самарский юридический институт ФСИН России»*

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович

Официальные оппоненты: заслуженный деятель науки РФ
доктор юридических наук, профессор
Исаев Игорь Андреевич

доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор
Туманова Анастасия Сергеевна

доктор юридических наук, профессор
Рубаник Владимир Евдокимович

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
университет

Защита состоится: «25» ноября 2010 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.081.26 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Федеральном государственном автономном образовательном учреждении ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, ауд. 324.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2010 года

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Г.Р. Хабибуллина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В течение последних четырех столетий Российское государство не раз переживало попытки правящих кругов европеизировать основные сферы жизни российского общества. Казалось бы, более чем четырёхвековой опыт безуспешной европеизации может являться убедительным свидетельством неэффективности подобной политики, однако в современной России вновь предпринимаются настойчивые усилия привести образование, науку, экономику, политику и право в соответствие с европейскими стандартами. В этих условиях особенно важными становятся изыскания в области отечественных конкретно-исторических форм государства и права. При этом наибольший интерес вызывает эпоха XII-XV веков, когда древнерусские государственность и право характеризовались яркой региональной спецификой. Северо-западные русские земли этого периода интересны не только тем, что представляют опыт реализации и долговременного успешного функционирования институтов прямой демократии, но также тем, что право этого региона оказывало значительное воздействие как на право Московского централизованного государства, так и на право сопредельных государств и народов. Иными словами, правовая традиция государств Северо-Западной Руси XII-XV вв. представляет собой редкий пример самобытного развития русского права.

В юридической литературе утвердилось своеобразное положение, при котором практически все исследователи призывают расширять источниковую базу историко-правовых исследований за счет актового материала, однако реальное продвижение в этом направлении минимально. Между тем в условиях средневекового общества, известные кодификации права которого не охватывают все многообразие правовых отношений, изучение частных актов становится первоочередной задачей. В отличие от практиковавшегося долгое время иллюстративного подхода к использованию частных актов в историко-

правовых исследованиях, их комплексный анализ позволяет существенно скорректировать устоявшиеся представления о некоторых отраслях средневекового древнерусского права.

Данное диссертационное исследование представляет собой первый опыт комплексного анализа всех известных источников права государств Северо-Западной Руси XII-XV вв. Современное состояние историко-правовой науки показывает, что даже введение в научный оборот новых источников права не позволяет качественным образом изменить существующие представления о системе средневекового древнерусского права, очевидна необходимость в новом методологическом подходе. В представленной работе предложена новая методология историко-правового исследования, основанная на клаузульном анализе, в основу которого положена трактовка клаузулы как устойчивого элемента формальной стороны правоотношения, отражающего, в свою очередь, соответствующий элемент содержательной стороны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, в которых находят своё выражение элементы системы права государств Северо-Западной Руси в период XII-XV вв.

Предмет исследования – брачно-семейные, обязательственные, уголовные, процессуальные нормы права и правовые отношения, рассматриваемые с точки зрения их становления и системных связей, а также в сравнении с источниками права византийского и европейского происхождения, историографические аспекты их изучения. Содержание предмета исследования предполагает раскрытие процесса формирования своеобразной правовой традиции государств Северо-Западной Руси, включившей в себя и архаичные институты, характерные для древнерусского права ранних этапов его становления, и правовые установления, имеющие региональную специфику, появившиеся в условиях вечевых городских демократий.

Хронологические и территориальные рамки исследования. К государствам Северо-Западной Руси могут быть отнесены Новгородская и Псковская республики, Полоцкое княжество. Временные рамки определяются перио-

дом XII-XV веков, однако некоторые тенденции изменения права носили более масштабный характер, в связи с чем предпринимается анализ источников права и правоприменительных актов, относящихся к более широкому периоду X-XVII веков.

Цель и задачи исследования. Первой целью работы является анализ и определение системы правоотношений, характерной для государств Северо-Западной Руси периода XII-XV вв., её становления и эволюции, на основе комплексного историко-правового анализа известных источников права. Такой анализ невозможен без выработки принципиально нового методологического подхода к рассмотрению уже известных и введенных в научный оборот источников. В связи с этим целью работы является также формирование и апробация новой методологии исследования средневекового отечественного права. Поставленные цели определяют конкретные задачи, решаемые в диссертационном исследовании:

- дать анализ современному состоянию изученности темы;
- определить значение отдельных видов источников права для раскрытия темы диссертационного исследования;
- определить основания новой методологии анализа правоприменительных актов;
- исследовать виды брачных союзов, условия заключения и прекращения брака, стадии заключения брака, личные и имущественные отношения супругов в браке;
- выявить виды договоров купли-продажи, дарения, займа, найма, хранения, и определить особенности их регулирования в праве государств Северо-Западной Руси XII-XV вв.;
- изучить группы обязательств из причинения вреда;
- выявить систему преступлений и наказаний, в наибольшей степени отражающую средневековый взгляд на уголовно-правовые отношения;
- рассмотреть особенности эволюции процессуального права на северо-западе Руси в XII-XV вв.

Методология исследования. Основным методом познания стал всеобщий диалектический метод, в рамках которого для исследования отдельных проблем темы применялись такие общелогические приемы как анализ, синтез, восхождение от конкретного к абстрактному, определение через род и видовое отличие и т.д. Диссертант полагает, что методологическая основа исследования изменяется и усложняется в процессе исследования, что позволяет по мере продвижения работы над диссертационным исследованием ставить и решать не только источниковедческие, историко-правовые, теоретико-правовые, но и методологические проблемы. В частности, основная нагрузка при изучении частных актов как источников познания древнерусского средневекового права возлагается на клаузульный анализ, обычно используемый в дипломатике. В ходе историко-правового исследования клаузульный анализ неизбежно изменяется, превращаясь в самостоятельный метод юридического познания. Методологическая новизна диссертационного исследования состоит в разработке клаузульного анализа как средства историко-правового познания.

В рамках исследования широко применяются генетический и контрагенетический анализ, системный подход, атрибутивный анализ, структурно-функциональный анализ. Уровень частнонаучных методов представлен в работе методами сравнительного правоведения и интерпретации, специально-юридическим методом. Также, по мнению диссертанта, юридические теоретические понятия и юридические конструкции несут в процессе историко-правового исследования значимую методологическую нагрузку.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучение особенностей древнерусского средневекового права в целом, а также специфики правовой традиции государств Северо-Западной Руси имеет более чем двухвековую историю. Исследование отдельных аспектов данной темы традиционно строилось вокруг крупнейших памятников права, сохранившихся до наших дней: Русской Правды, Псковской и Новгородской Судных грамот, княжеских церковных уставов. Научное изучение этих источников права началось в XIX веке и именно к этому времени относятся первые работы историко-правового

характера, тематически связанные с крупными памятниками права. Большое значение для разработки отдельных аспектов темы диссертационного исследования имели труды общеисторической направленности, в которых определялись предпосылки для становления и развития правовых институтов в древнерусском обществе, уточнялись сложные источниковедческие вопросы и т.п. Среди авторов этой группы следует назвать имена К.С. Аксакова, И. Беляева, К.Н. Бестужева-Рюмина, И.Е. Забелина, Н.М. Карамзина, П.В. Кириевского, В.О. Ключевского, М.К. Любавского, А. Никитского, М.П. Погодина, Н.А. Полевого, С.М. Соловьева и др.

Проблемам брачно-семейного права были посвящены в XIX – начале XX века работы К. Алексеева, И.Д. Беляева, И.С. Бердникова, С.В. Булгакова, Е.Е. Голубинского, М. Горчакова, И. Губе, Д. Дубакина, А. Ефименко, А.И. Загоровского, А. Изгоева, О. Ланге, В. Никольского, И.Г. Оршанского, А.С. Павлова, О. Пергамента, А. Попова, Н. Рождественского, Л. Руднева, А. Рязановского, А. Смирнова, Н.Ф. Сумцова, С. Турчиновича, П. Цитовича, М. Шпилевского, В.О. Шульгина и др.

Проблемы уголовного и процессуального права в историко-правовом аспекте рассматривались в работах Л.С. Белогриц-Котляревского, И.Д. Беляева, П. Беседкина, А. Богдановского, С.В. Ведрова, С.Н. Викторского, Н.С. Власьева, М.Н. Гернета, В.М. Грибовского, И. Грыцько, В.Т. Демченко, Ф. Дерпта, И. Диева, Ф.М. Дмитриева, В. Есилова, Н. Есипова, Н.П. Загоскина, Д. Иванишева, П.Д. Калмыкова, А.Ф. Кистяковского, П. Колосовского, А. Куницына, О. Ланге, А. Лохвицкого, Н.А. Максимейко, Н. Малиновского, В.В. Мстиславского, С.П. Пахмана, Н.Н. Розина, В. Сокольского, К.И. Стефановского, М. Ступина, А.А. Сухова, Б.И. Сыромятникова, Ф. Устрялова, И.Е. Энгельмана и др.

Особенности обязательственных отношений и их правового регулирования находились в центре внимания исследований П.И. Беляева, Н.Н. Дебольского, М.А. Дьяконова, А.И. Загоровского, В.А. Удинцева, Ф. Устрялова, И.Е. Энгельмана и др.

В XIX веке и начале XX в. были предприняты первые попытки обобщения полученных результатов историко-правовых исследований, в результате чего появились обобщающие курсы истории русского права, среди авторов которых следует назвать И.Д. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, Н. Дювернуа, Н.П. Загоскина, В.Н. Латкина, М.М. Михайлова, П.М. Мрочек-Дроздовского, К.А. Неволлина, И.М. Радина, Д.Я. Самоквасова, В.И. Сергеевича, А.Н. Филиппова, П.И. Числова, Б.Н. Чичерина и др.

В XX веке отдельные аспекты рассматриваемой темы исследовались в работах Л.В. Алексеева, Ю.Г. Алексеева, Г.К. Амелина, А.И. Андреева, В.Ф. Андреева, М.В. Андроповой, П.А. Аргунова, А.В. Арциховского, В.И. Борковского, Е.В. Банниковой, С.В. Бахрушина, А.Г. Боброва, С.Н. Валка, А.А. Введенского, В.И. Веретенникова, А.Ю. Глушакова, А.А. Горского, Б.Д. Грекова, И.Н. Данилевского, Л.В. Даниловой, А.А. Зализняка, А.А. Зимина, Б.Б. Кафенгауза, С.М. Каштанова, И.Э. Клейненберг, Е.И. Колычевой, В.И. Корецкого, А.С. Лаппо-Данилевского, В.Б. Макарова, Л.М. Марасиновой, Н.Н. Масленниковой, В.Г. Мироновой, М.Н. Покровского, Н.Л. Пушкаревой, В.А. Рогова, Б.А. Романова, Б.А. Рыбакова, М.Б. Свердлова, И.И. Солодкина, С.Г. Струмилина, М.Н. Тихомирова, И.Я. Фроянова, А.Л. Хорошкевич, Л.В. Черепнина, З.М. Черниловского, М.Д. Шаргородского, И.П. Шаскольского, А.А. Шахматова, Я.Н. Щапова, В.Л. Янина и др.

В последние годы внимание к проблемам, связанным с заявленной темой, нашло отражение в работах отраслевой направленности в рамках так называемых «сквозных» тем, связанных с изучением эволюции того или иного института, отрасли права (например, работы Т.Ю. Амплеевой, В.И. Власова, М.В. Власовой, Т.В. Воротилиной, Е.П. Гарановой, Н.Ф. Гончарова, В.И. Елинского, В.Л. Ефимовских, С.Н. Жарова, С.В. Жильцова, А.А. Иванова, С.К. Канюкова, Е.А. Климчук, С.А. Кондрашкина, А.Д. Куликова, Н.А. Липского, А.О. Лядова, М.Ю. Неборского, О.В. Маловой, Т.Л. Матиенко, Р.А. Тхагапсова, В.М. Чибинева, Н.А. Шелкопляс) и др.

При этом собственно историко-правовых исследований в XX веке появилось немного, однако исследования И.А. Исаева, М.М. Исаева, И.Д. Мартысевича, О.В. Мартышина, В.В. Момотова, С.А. Покровского, В.Е. Рубаника, К.А. Соловьева, Р.Л. Хачатурова, М.А. Чельцова-Бebutова, З.М. Черниловского, М.Д. Шаргородского, С.В. Юшкова не только обобщали накопленный опыт историографического освоения рассматриваемой темы, но и предлагали новые трактовки сложных вопросов истории древнерусского права.

Историко-правовые исследования последних лет показывают возросшее внимание авторов к расширению источниковой базы, прежде всего, за счет источников церковного права. Однако при изучении частных актов всё также преобладает иллюстративный подход, исследования средневекового отечественного права строятся на основе устоявшегося набора методов познания.

Источниковая база исследования. В данной работе представлено комплексное рассмотрение всех известных источников права государств Северо-Западной Руси периода феодальной раздробленности. Такой подход позволяет по-иному взглянуть на сферу правового регулирования общественных отношений, предоставляет возможность выхода на качественно новый уровень теоретических обобщений, для создания новых классификационных схем, для уточнения уже известных и определения новых правовых институтов, закономерностей их эволюции и т.п.

Новизна источниковой базы выражена в том, что значительное внимание уделено частным актам, фиксирующим обязательства из договоров – основной вид обязательственных правоотношений в средневековой Руси. Древнерусский частный акт представляет собой до сих пор не оцененный в должной мере источник права, поскольку для средневекового сознания было естественнее фиксировать общеизвестные и распространенные нормы не в законодательных памятниках, а в записях частных сделок. Клаузульный анализ этой группы источников позволяет выявить ряд новых, ранее не известных правовых отношений, уточнить содержание уже известных правовых институтов. Частные акты Северо-Западной Руси XII-XV веков рассматриваются в комплексе с другими

известными источниками права как древнерусского (Русская Правда, договоры с Византией и немецкими городами, княжеские церковные уставы, Двинская Уставная грамота, Новгородская и Псковская Судные грамоты, публичные акты светского и церковного управления, Судебники 1497, 1550, 1589 гг., Стоглав, Соборное уложение 1649 г.), так и иностранного происхождения (Закон Судный людем, Эклога, Прохирон, источники канонического права, включавшиеся в состав древнерусских Кормчих книг, славянские и скандинавские судебники, записи обычного права прибалтийских народов), относящимися непосредственно к периоду XII-XV веков и выходящими за указанные временные рамки. Большое значение имеют такие группы источников, как летописные известия, литературные памятники, известия иностранцев о русских землях X-XVII вв., археологические и этнографические данные.

Научная новизна диссертации состоит в применении нового методологического подхода, разработанного автором диссертации для исследования древнерусского средневекового права. В основе этого подхода лежит представление о самобытном характере древнерусского права, а раскрытие его конкретных установлений и институтов происходит посредством клаузульного анализа. Клаузульный анализ как средство историко-правового познания основывается на трактовке клаузулы как устойчивого элемента формы правоотношения, отражающего, в свою очередь, соответствующий элемент содержания правоотношения. Это существенным образом отличает данный метод от тех подходов к клаузульному анализу, которые приняты в дипломатике или исторических науках.

Данная диссертационная работа представляет собой первое комплексное исследование широкого круга правоотношений и источников права государств Северо-Западной Руси XII-XV вв., которые рассматриваются как элементы единой системы, отражающей определённый тип правового сознания. В отличие от других историко-правовых исследований в диссертации широко используются летописные известия, литературные памятники, археологические и этнографические данные, которые позволяют выявить уникальное социально-

этическое содержание правовых институтов и отношений, характерных для Северо-Западной Руси рассматриваемого периода.

В диссертационном исследовании впервые в качестве самостоятельного материала используются частноправовые акты, благодаря чему удалось полнее восстановить систему норм обычного права, нашедшего отражение в древнерусских частных грамотах.

Новая методологическая и источниковая база позволила сформировать новое видение всех отраслей законодательства государств Северо-Западной Руси XII-XV вв. В результате этого диссертантом была разработана система видов древнерусских брачных союзов, существенно уточнена система условий, при которых было возможно заключение и прекращение брака. На основе новой аргументации было предложено толкование ряда сложных институтов древнерусского брачно-семейного права, таких как «смильное», «заставание» и др.

При анализе норм обязательственного права были выявлены новые виды договорных правоотношений, а также были скорректированы трактовки уже известных договоров. Впервые для каждого договорного правоотношения была определена система его элементов. В свою очередь, это позволило уточнить правовую природу некоторых частных актов, тем самым расширив список известных «выкупных», «рядных», «раздельных» и других грамот. Диссертантом была предложена собственная аргументированная трактовка ряда институтов древнерусского обязательственного права, о содержании которых в историко-правовой науке не было единого мнения («выкуп», приданое, изорничество, «кормля» и др.).

В диссертационном исследовании была предложена новая классификация видов преступлений и наказаний, в основу которой положены два критерия: объект преступления и ответственность за совершенное преступление. Комплексный анализ, основанный на широком круге источников, позволил проследить трансформацию в период XII-XV вв. в северо-западных русских землях уголовно-правовых институтов, известных еще праву Киевской Руси и выявить те тенденции, под действием которых в рассматриваемый период изменялась

система уголовно-правовых норм. Диссертантом были аргументированно разграничены древнерусские правовые институты, которые до сих пор нередко смешивались в научной литературе: разбой и грабёж, различные категории свидетелей («видоки», «послухи», «сторонние люди»). Происхождение смертной казни в диссертационном исследовании связывается не с княжеской властью и не с институтом кровной мести, а с присущим обычному праву институтом «потока и разграбления».

При рассмотрении процессуального права Северо-Западной Руси XII-XV вв. была построена иерархически-соподчиненная система видов доказательств. На основе сопоставления широкого круга источников диссертантом было предложено решение ряда проблемных вопросов в истории уголовного и процессуального древнерусского права (в частности, определено содержание понятия «свидетели» в праве Северо-Западной Руси и установлены особенности юридического положения отдельных категорий свидетелей; уточнено значение термина «перевет» и др.).

Кроме того, научная новизна или элементы новизны содержатся в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

- 1) развитие права государств Северо-Западной Руси XII-XV вв. происходило на основе переработки глубинных архаичных институтов гражданского, уголовного, процессуального права. Заметного влияния иностранное право на этот процесс не оказало, за исключением брачно-семейного права, но даже в этой отрасли византийские правовые установления явственно подчиняются общеправовым древнерусским институтам и изменяются под действием последних;
- 2) изучение частноправовых актов позволило установить наличие строгой связи между элементами формуляра грамоты и элементами правоотношения, фиксируемого в конкретной грамоте, что даёт возможность существенно углубить представление о целом ряде правовых институтов русского средневековья. В свою очередь, эти действия возможны только в рамках клаузульного анализа гражданско-правовых отношений;

3) древнерусское право знало сложную систему видов брачных отношений, включающую, как минимум, семь видов брака: 1) умыкание у воды; 2) умыкание с последующей уплатой вена; 3) брак-договор; 4) «брак-поставление»; 5) брак, совершенный на «вечернице»; 6) «пробный» брак; 7) церковный брак. Древнерусское брачно-семейное право запрещало браки в 1-4-й степенях, однако запреты на браки между родственниками в других степенях, – от 5-й до 8-й – вопреки нормам канонического права, не относились к числу четко определенных и нередко нарушались. В древнерусском праве третий брак в период XI – начала XIV века не допускался, в конце XIV-XV веках он уже признавался в качестве законного. В землях Северо-Западной Руси вплоть до XIV-XV веках заключались и признавались в качестве законных не только третьи, но и четвертые браки;

4) обязательственное право государств Северо-Западной Руси знало сложную и разветвленную систему договорных правоотношений. Договор купли-продажи имел следующие разновидности: «запродажа», «купля с докладом», «купля на закладные куны», «купля в кредит», «выкупок». В их основе лежат различия в предмете и цене, условиях их передачи, что приводит к вариациям в определении обязанностей сторон, то есть содержания договорного правоотношения;

5) выкуп представлял собой возвращение за покупную цену имущества, обладающего особым правовым статусом. Данный договор понимался древнерусским правом как элемент сложного комплекса правоотношений: 1) собственно договор купли-продажи (отчуждение предмета кем-то из «отчинников»); 2) иные акты распоряжения предметом новым собственником (факультативный элемент); 3) выкуп (возвращение предмета «отчинником» за покупную цену). Нарушить право «отчинника» на выкуп своей отчины могла только свершившаяся передача предмета наследникам нового собственника, превращение предмета в отчину другого родового коллектива;

6) договор дарения включал в себя, как минимум, пять разновидностей: 1) вклад «на помин души»; 2) вклад «в вечный хлеб»; 3) выдел; 4) назначение приданого («наделок»); 5) освобождение от долга;

- 7) договор займа имел четыре вида: 1) простой заём; 2) заём, обеспеченный поручительством другого лица; 3) заём, обеспечением которого является заклад (движимое имущество); 4) заём, обеспеченный залогом (недвижимым имуществом). В последнем случае договор займа соединялся с договором залога и не предполагал назначение процентов, поскольку заимодавец имел право распоряжаться плодами заложенной вещи, а также имел возможность приобрести заложенную вещь в собственность в случае неисполнения обязательства должника;
- 8) институт «изорничества» представлял собой, с одной стороны, договор имущественного найма, с другой стороны – предполагал наличие отношений личного найма. Этот институт является примером характерного для права Северо-Западной Руси синкретического единства двух видов договоров;
- 9) рядные грамоты фиксировали наиболее архаичную форму договорных правоотношений. Сам «ряд» представлял собой мировую сделку, которая отчетливо противопоставлялась судебному решению конфликтной ситуации. «Мировой» характер сделки отражал не только её компромиссный характер, но также подчёркивал значение общины, «мира» в регулировании гражданско-правовых отношений;
- 10) договор раздела имел ряд специфичных черт: предполагал участие не только двух, но трех и более сторон; участниками договора становились либо сядры, либо члены семейно-родовых коллективов; договор регулировал правовой статус объектов общего пользования. Все эти особенности, выделяемые на основе специфики формуляра, заставляют четко отличать отдельные грамоты от «рядных», с которыми они до сих пор смешиваются в научной литературе;
- 11) договор хранения в праве Северо-Западной Руси испытал наибольшее воздействие процесса формализации. Виды договора хранения можно выделить по особенностям составления: 1) неформальный порядок договора хранения как дружеской услуги сохранялся для членов одного родового коллектива; 2) для лиц, проживающих в сельской местности, а также для лиц, заключивших договор хранения в условиях стихийного бедствия или гражданских беспорядков,

предусматривалась упрощённая процедура; 3) согласно общему порядку для составления договора хранения требовалось оформление сделки письменным актом, копия которого хранилась в городском архиве;

12) классификация преступлений возможна не только через объект, но и через систему наказаний, поскольку последние обладают принципиальным значением для понимания всей системы средневековых уголовно-правовых категорий. Одно и то же наказание назначалось за такие преступления, которые обладали внутренним родством, очевидным для современников, но далеко не всегда очевидным для позднейшего исследователя. Институт кровной мести и княжеская власть не могут рассматриваться в качестве источников происхождения смертной казни, её истоки лежат в институте «потока и разграбления», присущем обычному праву;

13) преступление на северо-западе Руси в XII-XV вв. имело двойственную природу - учитывался вред, причинённый конкретному лицу или лицам, и вред, причинённый общему «миру». Термин «обида» применялся для обозначения не только преступлений, но и правонарушений вообще. Обязательства из причинения вреда в рассматриваемый период относились к сфере преимущественной регламентации обычным правом, однако законодатели уже делают попытки распространить на них свою компетенцию. Уголовное право государств Северо-Западной Руси различало такие понятия, как «разбой» и «грабеж», при этом в трактовке этих видов преступлений очевидно действие тенденции индивидуализации наказаний. Поджог и «перевет» относятся к числу наиболее тяжких преступлений, угрожавших интересам городской общины (либо иной корпоративной общности) в целом. Ответственность как за поджог, так и за «перевет» постепенно вырастала из «потока и разграбления», трансформируясь с течением времени в смертную казнь. Смертная казнь за «перевет» обладала особой спецификой – обычно для наказания преступника избирали утопление или повешение, поскольку такая смерть была направлена не только против тела, но и против души преступника;

14) назначение «вирной» штрафной ставки объединяет в одну систему группу преступлений, направленных против жизни и здоровья свободных людей. В архаический период становления права за все эти преступления предусматривалась возможность немедленного отмщения и убийства преступника, однако и в период XII-XV веков иногда выкуп за жизнь преступника не принимался, и преступника убивали из мести. В период XIV-XV веков из всего разнообразия видов рассматриваемой группы преступлений, четко отличавшихся правом друг от друга, законодательные памятники регулируют только убийство. Штраф в 12 гривен представляет собой прямой аналог виры, он уплачивается в качестве штрафа в случае убийства несвободного или зависимого лица, а также в случае совершения иных действий, сопоставимых с убийством;

15) право государств Северо-Западной Руси XII-XV вв. знало иерархически подчиненную систему доказательств, включавшую в себя следующие виды доказательств: «поличное», свидетельские показания, письменные акты, «божий суд» (присяга, «поле», «железо», жребий). Категория «поличное» включала в себя материальные следы доказываемого факта, собственное признание, сделанное добровольно или под пыткой, заклад. Правом государств Северо-Западной Руси было воспринято характерное для Русской Правды противопоставление «видоки – послухи», эволюционировавшее в пару «сторонние люди – послухи». «Видоки» (затем – «сторонние люди») не представляли ни одну из сторон, будучи вполне объективными, в то время как «послухи» являлись представителями той или иной стороны.

Научно-практическая значимость исследования. Представленное диссертационное исследование может послужить основой для переосмысления ряда других отраслей научного знания, поскольку в центре внимания находились не только законодательство, но и практика его применения. Наряду с источниками права не меньшее внимание уделялось практике реализации норм права. Например, если традиционно в историко-правовой науке правовая природа такого вида наказаний как «поток и разграбление» определялась на основе анализа законодательных источников, обращение к летописным свидетельствам о

фактах применения этого наказания позволило существенно изменить представление о природе указанного наказания.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается также в том, что на основе соотнесения правовых, нравственных и практических аспектов ставится и решается вопрос эффективности средневекового законодательства. Такой подход позволил разграничить реально действовавшие нормы и нормы права, существовавшие «на бумаге», не воспринятые русским обществом. В свою очередь, это дало возможность выявить и описать своеобразные «тупики» правовой мысли, которые уже были преодолены в истории отечественного права. Этот опыт бесценен в условиях современной России, когда предпринимаются необдуманные попытки заимствования правовых институтов и готовых механизмов правового регулирования из европейских правовых систем.

В диссертации показано, что в период XII-XV веков на северо-западных русских землях выросла правовая традиция, которая успешно конкурировала с современными ей европейскими аналогами. Древнерусское право этого периода было достаточно гибким и эффективным, чтобы не испытывать глобальной необходимости в рецепции иностранного права. Напротив, анализ международно-правовых источников XII-XV вв., источников права соседних с Русью земель показывает обратную тенденцию – иностранные правовые системы порой заимствовали отечественный опыт правового регулирования.

Возникшая на северо-западе Руси в XII-XV вв. правовая традиция была частично утрачена, а развитие права Московского государства пошло по-иному пути. Между тем опыт этой традиции, характеризовавшейся подлинной демократичностью, гибкостью и эффективностью, может и должен быть востребован в современном правотворчестве. Соответственно, практическое значение диссертации видится в привлечении внимания юридической науки и законодателя к древнерусским институтам права при решении современных проблем.

Теоретические положения и выводы, содержащиеся в диссертации и характеризующие становление и эволюцию права государств Северо-Западной

Руси XII-XV вв., позволяют построить новые классификационные схемы, описывающие основные правовые институты средневекового русского общества, выявить ранее не выделявшиеся правовые феномены и уточнить содержание уже известных. Диссертационное исследование предоставляет историко-правовой науке новую целостную концепцию средневекового древнерусского права. Сформулированные в диссертации положения и разработанный метод клаузульного анализа могут быть также использованы: в научных исследованиях по проблемам истории отечественного государства и права; в учебном процессе при изучении курсов «История отечественного государства и права» и «Отечественная история».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в 4 монографиях, учебном пособии и 55 статьях, общим объёмом 121,4 п.л. В период работы над диссертацией диссертантом были опубликованы монографии: «Правовая природа частных актов Северо-Западной Руси XII-XV вв.» (М., 2003. 14,6 п.л.), «Брачно-семейные отношения в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв.» (Самара, 2004. 15 п.л.), «Обязательственное право Северо-Западной Руси XII-XV вв.» (М., 2005. 14,53 п.л.), «Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв.» (М., 2007. 34,3 п.л.).

Основные результаты исследования докладывались на ряде международных, всероссийских и межвузовских научных конференциях и методологических семинарах, проводившихся в вузах Москвы, Самары, Тольятти, Екатеринбурга.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, которые подразделяются на 25 параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, его методологическая и источниковая

основа, показывается научная новизна основных положений, выносимых на защиту, и их научно-практическое значение.

Глава первая «Источниковедческие и историографические аспекты темы исследования» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Дореволюционная историография» рассматривается первый этап научной разработки проблем права Северо-Западной Руси XII-XV вв. В дореволюционный период в научный оборот был введен огромный массив источников, как законодательных памятников, так и частноправовых актов, были заложены основы методологических подходов, характерных для историко-правовой науки. Появилось большое количество отраслевых историко-правовых исследований, на основе осмысления и переработки которых были созданы фундаментальные обобщающие обзоры истории древнерусского права.

Во втором параграфе «Советская и современная историография» выявляются изменения методологии и круга источников, произошедшие в течение XX века и начала XXI в. В XX веке в центре внимания исследователей находились прежде всего проблемы источниковедения и социально-экономической истории, в то время как история права находилась в упадке. В немногочисленных историко-правовых исследованиях преимущественное внимание уделялось уголовному и процессуальному праву средневековой Руси, правовое регулирование брачно-семейных отношений и обязательственные правоотношения в историко-правовых исследованиях появлялись эпизодически и не были предметом самостоятельного исследования.

В сфере изучения обязательственных правоотношений, характерных для древнерусского права, в советский период уже в 20-30-е годы юридический подход вытесняется конкретно-историческим: акты рассматриваются как источники по политической, а затем и по социально-экономической истории. При этом юридические аспекты формы и содержания частноправового акта практически не рассматриваются, исследователи отходят от формулярного анализа.

В целом, в течение XIX-XX веков проблемы истории древнерусского права XII-XV вв. рассматривались с самых разных позиций: формально-юридических, источниковедческих, политических, социально-экономических, теологических, гендерных и т.п. Однако собственно юридическое комплексное рассмотрение особенностей права Северо-Западной Руси нашло отражение лишь в единичных работах, большинство из которых относятся к XIX веку.

В третьем параграфе «Источники древнерусского права» определяются характерные особенности широкого круга источников, выясняется их значение для раскрытия своеобразия правовой традиции Северо-Западной Руси XII-XV вв. Особое внимание уделяется анализу частноправовых актов. Форма и структура древнерусской грамоты тесно взаимосвязаны с содержанием правоотношений, облакаемых в форму акта. Соответственно анализ формуляра грамот, значения отдельных его элементов позволяет уточнить представления о природе самого широкого круга правоотношений, существовавших в средневековой Руси.

Помимо частноправовых актов огромное значение имеют законодательные памятники, как созданные на северо-западе Руси (Псковская Судная грамота, Новгородская Судная грамота), так и источников права Киевского государства, продолжавших действовать и в период XII-XV вв. (Русская Правда, Уставы князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого). В свою очередь, обращение к тексту испытывавших влияние Псковской Судной грамоты Судебников 1497, 1550, 1589 гг. и Соборного уложения 1649 года позволяет проследить дальнейшее развитие правовых институтов, характерных для права Северо-Западной Руси XII-XV вв., что в ряде случаев помогает составить более точное представление об их сущности.

Среди древнерусских источников церковного права на первое место должны быть поставлены постановления соборов, однако от рассматриваемого периода сохранился единственный пример таких установлений – решения Владимирского собора 1274 г., хотя для характеристики отдельных проблем можно использовать материалы соборов 1503-1504, 1551 гг. Еще одну группу древне-

русских источников церковного права представляют канонические ответы (ответы авторитетных деятелей Церкви на вопросы относительно церковной практики и суда), целью которых было разъяснение действующих норм церковного права по поводу недоразумений, встречающихся на практике или же указание на их обязательное неукоснительное исполнение.

Четвертый параграф «Источники иностранного права» посвящен выявлению круга иностранных источников права, которые были известны в средневековой Руси и могли оказать влияние на систему правового регулирования общественных отношений, сложившуюся на северо-западе Руси в XII-XV вв. Значительное количество источников права византийского происхождения (правила св. Василия Великого, Избрание от закона Моисеева, Новые заповеди Юстиниана царя, Закон Судный людем, Закон Градский, Эклога и др.) были широко известны на Руси, однако не применялись и их воздействие на формирующееся право русских земель было минимальным. Учитывая, что важнейшим источником всё же являлось обычное право, нормы которого лишь частично были отражены в сохранившихся до наших дней памятниках, для нужд данного исследования были привлечены нормы, бытовавшие в период средневековья среди ближайших соседей Северо-Западной Руси, связь между правовыми институтами которых и древнерусскими установлениями можно считать очевидной и доказанной. Привлечение этого рода памятников позволило обнаружить не нашедшие отражения в официальных источниках нормы обычного права. В частности, особый интерес в этом отношении представляют Гуталаг и так называемые «Ливонские правды».

Глава вторая «Брачно-семейные отношения в праве государств Северо-Западной Руси XII-XV вв.» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе «Виды брака» предложена новая классификация видов брачных союзов, выявленная на основе детального историко-правового анализа законодательных, летописных, литературных источников.

Наиболее архаичным из известных видов брака следует признать «умыкание у воды». Этот брак носил ритуально-бытовой характер, то есть в некото-

рых случаях имел обрядовое значение, лишь формально представляя собой насилие над личностью невесты, в других же случаях имели место факты действительно насильственного похищения девушек. Умыкание могло сопровождаться последующей уплатой «вена», посредством чего молодожены получали согласие родителей и, возможно, признание их брака общинным коллективом. Эту разновидность умычки можно выделить в отдельный вид брака.

Дальнейшим развитием этого вида брака явилось усиление договорных начал, в результате чего брак превратился в разновидность гражданско-правовой сделки, в ходе которой стороны достигали соглашения о вступлении в брачный союз жениха и невесты. При этом особое значение получают имущественные гарантии брака – приданое и брачный дар.

Наряду с этим сохранялось и действие выраженного в институте умыкания принципа насилия мужчины над волей женщины. Свое выражение этот принцип находит в практике насильственного «поставления» («положения») незамужней девушки или даже чужой жены в качестве супруги. Брак, совершенный на «вечернице» («въ вече привель»), как и умыкание, имел значимую ритуальную составляющую, однако, в отличие от умычки, совершался с согласия родителей невесты и в присутствии свидетелей-соседей, посредством участия которых обеспечивалось признание брачного союза общиной. Именно этот вид брака был наиболее распространен в рассматриваемый период, учитывая, что признание этого брака родителями жениха и невесты, а также общинным коллективом, осуществлялось посредством совершения свадьбы, а имущественные обязательства сторон могли фиксироваться брачным договором.

Наконец, последний из традиционных видов брачных связей – фактический брак, брак *de facto* (в этнографической литературе принят термин «пробный» брак). Этот вид брака представлял собой фактическое сожительство незамужней женщины и неженатого мужчины без соответствующей публичной фиксации и, видимо, с ограниченными взаимными обязательствами супругов.

Все указанные виды традиционных брачных союзов оказывали воздействие на распространявшийся с XI века церковный брак. В отличие от них вен-

чаный брак имел четко определенные цели, к которым относилось: 1) упорядочение сексуальных отношений в рамках законного и регулируемого церковью сожителства одного мужчины и одной женщины; 2) рождение детей и их воспитание.

Во втором параграфе «Условия, допускающие и воспрещающие вступление в брак» приводятся в систему условия, при которых брак мог быть заключен и условия, препятствовавшие заключению брака.

Первоначально древнерусское брачно-семейное право не знало четкой фиксации минимального и максимального брачного возраста. По мере внедрения церковной модели брака были восприняты нормы византийского права, устанавливавшие границы брачного возраста, однако эти границы подверглись корректировке: 1) русское законодательство определяло не только нижний порог «брачных лет», но и временные границы наиболее распространенного женского брачного возраста (12-15 лет); 2) максимальный брачный возраст был меньшим, нежели в византийском праве, составляя для женщин не 60 лет, а 40-50. Относительно ранние браки, закреплявшиеся древнерусским законодательством, бытовали и в народной правовой традиции, в связи с чем последующие попытки повысить брачный возраст законодательным путем долгое время не имели успеха, не получая распространения на практике.

Второй важнейшей предпосылкой для вступления в брак являлся принцип добровольности. Необходимость получения разрешения родителей на вступление в брак в каноническом праве органично уживалось с принципом свободного волеизъявления сторон.

Наибольшей национальной спецификой отличалась система запретов на вступление в брак, связанных с состоянием в отношениях родства. При определении запретов на вступление в брак родственников и свойственников древнерусское право изменило саму систему видов родства, а действие этих запретов древнерусское право ограничивало 4-й степенью родства и свойства, допуская 7-ю, 6-ю и даже 5-ю степень до вступления в брачные отношения.

В целом, сложность системы запретов на заключение брака лицами, состоящими в определенных отношениях, связана с непоследовательностью – а иногда и с неопределенностью – позиции русского церковного права по рассматриваемому вопросу. В частности, третий брак в период XI – начала XIV века не допускался, в конце XIV-XV веках он уже признается в качестве законного. В землях Северо-Западной Руси, судя по дополнительным статьям Устава великого князя Всеволода, вплоть до XIV-XV веках заключались и признавались в качестве законных не только третьи, но и четвертые браки.

В третьем параграфе «Оформление брака» определяются этапы заключения брачного союза. Оформление брака в древнерусском праве осуществлялось в соответствии с двумя моделями – традиционной и церковной. Обе модели предусматривали несколько стадий заключения брака, из которых важнейшими являлись две: в церковной модели – обручение и венчание; в традиционной – сговор и свадьба. Церковная модель (обручение и венчание) на протяжении рассматриваемого периода пыталась вытеснить обычно-правовую, архаическую (брачный сговор и свадьба). Однако на практике происходило их дублирование (наряду с традиционными этапами оформления брака, проводились и христианские обряды – на стадии брачного сговора жених и невеста обручались, венчание сопровождало свадьбу), либо смешение (обручение – как первая стадия оформления брака, свадьба – без венчания – как вторая).

В четвертом параграфе «Прекращение брачного союза» систематизированы основания прекращения брака в византийском праве и выявлена система оснований прекращения брака в древнерусском праве.

Источники права и светского, и церковного происхождения выделяют довольно широкий перечень оснований для прекращения брачного союза. Это и объективные основания (смерть одного из супругов; уход одного из супругов в монастырь; неспособность или нежелание мужа осуществлять половые отношения со своею женою; безвестное отсутствие одного из супругов в течение длительного времени), и виновные деяния жены или мужа (несообщение о антигосударственном замысле; прелюбодеяние; покушение на жизнь другого

супруга; нарушение имущественных прав другого супруга и т.п.); однако, в полном соответствии с неформальным характером древнерусского права, не указывается способ прекращения брака, видимо, наиболее часто практиковавшийся в рассматриваемый период в русских землях - уход одного из супругов (чаще всего жены).

Расширение круга источников позволяет разрешить давнюю дискуссию о природе словосочетания «смилное заставание». Оба понятия можно рассматривать как разновидности прелюбодеяния: под «смилным» понималось прелюбодеяние, доказанное показаниями свидетелей, либо с помощью иных доказательств, под «заставанием» – случай, когда супруг сам обнаруживал факт измены, «заставал» прелюбодеев на месте преступления.

Сопоставление древнерусских установлений о прекращении брака с византийскими источниками позволяет говорить о том, что отечественное право восприняло ряд положений византийского законодательства, однако основу развода в течение рассматриваемого периода составляли местные архаичные институты, имевшие глубокие национальные корни. Большая свобода поведения супругов, которой характеризовались некоторые виды традиционных нецерковных браков, отразилась и в обычно-правовом регулировании расторжения брачных союзов, в частности, в распространенности «уходов» одного из супругов. С другой стороны, ряд норм, которые были введены в отечественное право в связи с принятием христианства (например, посещение игрищ как основание к разводу), не могли соблюдаться в условиях средневековой Руси и существовали только формально.

В пятом параграфе «Отношения в семье» рассматриваются личные и имущественные отношения супругов, правовое регулирование отношений родителей и детей.

Русская православная церковь, распространяя христианскую модель брачных отношений и относя их регулирование к сфере церковного суда, стремилась перестроить традиционные для восточных славян личные отношения супругов в соответствии с положениями канонического права. Тем не менее,

древнерусское брачно-семейное право совершенно не восприняло аскетическую составляющую византийских воззрений на брак и поддерживало традиционный для восточных славян взгляд на брак, как на естественный и обязательный институт.

В праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. право- и дееспособность женщин практически не отличалась от право- и дееспособности мужчин. О высоком статусе женщины говорит тяжесть наказания за покушение на её честь, соответствовавшего штрафу за убийство свободного человека. Законодательные и правоприменительные акты государств Северо-Западной Руси XII-XV веков, в отличие от памятников предшествовавшего периода, недвусмысленно говорят о наличии у женщин права собственности на недвижимое имущество. Важнейшую часть имущества женщины составляло приданое, которое вдова или разведённая женщина могла изъять из общесемейного владения, при этом её право собственности распространялось на «приплод» от скота и детей холопов, которые входили в состав приданого. К источникам парафернального имущества женщины (приобретенного во время замужества) следует отнести имущество, нажитое в течение супружеской жизни (например, в результате свободного распоряжения приданым), а также прибыль, полученную ею вследствие выполнения опекунских функций, либо управления имуществом, находящимся у нее в «кормле». Характерно, что право Северо-Западной Руси вновь возвращается к установлениям X века об имущественной неответственности жены по долгам мужа.

Чрезвычайно важным в русском средневековом обществе было деление на хозяйственно-самодостаточных лиц (мужчина и женщина вместе образуют хозяйственную единицу, способную вести земледельческое хозяйство и т.п.) и недостаточных в хозяйственном отношении. Любой *хозяин* (полноценное в хозяйственном отношении лицо) нес ответственность за целый ряд лиц, связанных с ним прежде всего родственными узами и выживание которых напрямую от него зависело. Отражением этого принципа в правоприменительных актах можно считать впервые выделяемый в диссертации такой элемент духовных

грамот как «наказ о сиротах» («приказ») - распоряжения относительно находившихся под опекой (в широком смысле этого слова) завещателя третьих лиц, устройство их дальнейшей судьбы. Забота о «сиротах» возлагалась не только на родственников, но и прежде всего на влиятельных лиц общины или на общинную организацию в целом (например, уличанскую). С религиозно-нравственным осмыслением пройденного жизненного пути и своеобразным подведением итогов, призванным очистить душу перед тем, как она предстанет пред престолом Бога, связан и еще один впервые выделяемый элемент духовных грамот – указание на завершение «счетов» с земной жизнью, духовное очищение («очищение от долгов»).

Глава третья «Система обязательственных отношений в праве государств Северо-Западной Руси XII-XV вв.» состоит из шести параграфов.

В первом параграфе «О системе вещных прав на северо-западе Руси в XII-XV вв.» представлен обзор системы вещных прав, отражённых в древнерусском праве рассматриваемого периода. На основе сопоставления материала законодательных и правоприменительных источников диссертантом были определены различия для «отчины» и «купли», выявлены особенности «сябренной» собственности, которая сближается с общинной собственностью: в обоих случаях это коллектив собственников, выступающих как единое юридическое лицо в отношениях с другими земельными собственниками. Разница заключается в характере самого коллектива, особенностях его организации: один из них – общинная структура, другой – коллектив собственников, физических и корпоративных лиц, имеющих общие хозяйственные интересы на смежных земельных участках. Институты «кормли» и залога рассматриваются в параграфе как две разновидности опосредованного владения.

Во втором параграфе «Договор купли-продажи и его виды» на основе применения формулярного анализа к сохранившимся купчим грамотам была выявлена система видов данного договорного правоотношения, а также раскрыто содержание отдельных элементов договора купли-продажи

Содержание договора «запродажи» составляют два встречных обязательства: продавец обязуется продать другой стороне предмет договора за определённую в договоре цену, а покупатель обязуется её уплатить. Сделка носила двусторонний характер, при этом цена или её часть передавались сразу же по достижении соглашения, а передача предмета сделки отсрочивалась на определённое время.

Другой вид договора купли-продажи ранее в исследовательской литературе не выделялся и был условно назван «купля на закладные куны». Основания для выделения этого вида купли-продажи видятся в позиции авторов частных грамот, которые строго отделяли *закладные* от *купчих* и подчеркивали момент превращения *закладной* в *купчую*. Цена в этом случае является не полной ценой предмета сделки, а дополнением к «закладным кунам», то есть к сумме займа. Соотношение двух существенных элементов договора купли-продажи – предмета и цены – здесь принципиально отличается от договора запродажи. Если в последнем случае уплата цены обязательно предшествует передаче вещи, то в рассматриваемом правоотношении сделка купли-продажи дополняет произошедшую ранее передачу части цены (закладные куны) в обмен на некоторый объем прав в отношении предмета сделки.

Ещё один вид договора купли-продажи – приобретение вещи в кредит с частичной уплатой цены непосредственно при заключении сделки – также как вид договорного правоотношения выявляется и анализируется впервые, преимущественно на материалах берестяных грамот. Этот вид купли-продажи коренным образом отличается от запродажи. При запродаже предмет сделки не передаётся покупателю, здесь же, напротив, покупатель сразу приобретает вещь, но при этом выплачивает только часть цены, предоставляя гарантии выплаты долга в последующее время. Договор купли в кредит – в отличие от договора запродажи – в большей степени соответствует интересам покупателя, нежели продавца, и, вероятно, явился модификацией обычного договора купли-продажи в условиях повышенной конкуренции продавцов аналогичного товара.

В диссертации впервые представлено аргументированное определение такого вида купли-продажи, как выкуп («выкупок») - возвращение за покупную цену имущества, обладающего особым правовым статусом. Дополнительная натуральная часть цены («пополонок») в покупной цене и «пополонок» в выкупной цене различаются: основная цена выплачивалась при выкупе в том же размере, дополнительная – с учётом её натуральной природы. Особенности выкупа как вида договора купли-продажи также определяются спецификой предмета и цены: предмет имеет особый правовой статус, цена изначально – еще до заключения договора – известна, фиксирована и не зависит от воли сторон. Наличие права выкупа свидетельствует о сохранявшемся и в XV веке приоритете семейно-родовой собственности над индивидуальной.

Еще один вид договоров купли-продажи, который впервые выделяется в данной работе – договор «купли с докладом». Специфика этого вида договоров заключена в двух аспектах: 1) особый способ совершения – с участием уличанской общины, чем подчеркивается общественно-значимый характер сделки; 2) предметом сделки является, как правило, городская недвижимость.

Обычный договор купли-продажи подразумевал одновременную передачу предмета сделки и покупной цены. Предметом купчих чаще всего являются земельные участки. Если продавец предмета сделки некогда заложил его, то долг считался обременением вещи. Соответственно, покупатель приобретал вещь вместе с обременениями, на что иногда специально указывается в купчих грамотах. Обременением земельного участка могло быть также право пожизненного проживания на нём самого продавца и его потомков.

В третьем параграфе «Договор дарения» рассматриваются виды договора дарения. В диссертации доказывается, что в большинстве случаев договор дарения носил двусторонний характер, то есть его содержание составляли встречные обязательства сторон. При этом в исключительных случаях явно нарушался безвозмездный характер договора дарения.

Огромное значение для раскрытия содержания договора дарения и для выявления его подвидов имеет клаузула, которая следует непосредственно за

определением предмета сделки и в которой фиксируются дополнительные обязательства адресата. Именно на примере этой клаузулы рассматриваются виды договора дарения, которые существовали в праве Северо-Западной Руси.

Первый вид дарения, который выделяется на основе анализа этой клаузулы, - вклад на помин души. Помимо обязанности принять вклад, на принимающую сторону возлагалась обязанность исполнять определенные службы, способствующие «строению души». Специфика встречного обязательства одаряемого при вкладах заключается в том, что оно не имеет срока исполнения и не может быть исполнено. Точнее говоря, это обязательство должно исполняться вплоть до самого конца света, до второго пришествия Христа, когда отпадёт необходимость в службах за упокой души.

Особый вид вклада-пожертвования – так называемый вклад «в вечный хлеб». Сторонами в этом случае обычно являются две монастырские корпорации или приходская церковь и монастырь, предмет дарения-вклада – денежная сумма. Смысл этого правоотношения сводится к возложению на одну из сторон (одаряемого) обязанности «вечно», то есть без определения временных границ, предоставлять другой стороне (дарителю) возможность питаться в монастырской общине наравне с её членами. Обязательство также не может быть исполнено до конца света, оно носит длящийся характер и во вкладных специально оговаривалось, что преемники игумена, при котором была заключена сделка, обязаны следовать её условиям.

Специфическим видом договора дарения являлось назначение приданого. С одной стороны, приданое по своей сути представляет аналог наследственной части, которая является, в свою очередь, отражением трудового вклада девушки в общесемейное хозяйство. С другой стороны, в отличие от собственно наследования, наделение приданым никак не связано с моментом смерти наследодателя – оно может происходить как при жизни отца девушки, так и после его смерти. Ещё одним вариантом перехода имущества от наследодателя к десцендентам (не только женского, но и мужского пола) является выдел, который также можно рассматривать как разновидность договора дарения.

Помимо отмеченных выше представляется возможным выявить ещё один – пятый – вид договора дарения, согласно которому одаряемый освобождается от какого-либо требования дарителя или третьего лица (например, прощение долга или уплата долга за должника с целью его обогащения).

В результате выявленных особенностей древнерусского договора дарения было предложено новое его определение: договор дарения представлял собой соглашение двух сторон, в результате которого одаряемой стороне предоставлялось вещное право, а также требование или освобождение от требования на безвозмездной основе, но при соблюдении определенных условий, которые обычно выражались в возложении на одаряемого какого-либо обязательства.

В четвёртом параграфе «Договоры залога и займа» раскрыта правовая природа договоров займа и залога, уточнен перечень известных залоговых грамот.

Договор займа в праве Северо-Западной Руси, в отличие от средневекового права Западной Европы, заключался обычно с открытым указанием процентов. Даже церковные корпорации практиковали ростовщическую деятельность. В тех случаях, когда заёмная сумма включала в себя натуральные продукты, при исполнении обязательства должником возвращению подлежало такое же количество продукта, если договор займа был заключён без определения процентов. Если же договор заключался с определением процентов, тогда всё равно возвращался не денежный эквивалент, а то же количество натурального продукта с соответствующей «добавкой» («присоп» и «настав» Русской Правды). Материал берестяных грамот показывает, что размеры ростовщического процента на северо-западе Руси колебались, составляя одну пятую (20 %) или четверть основного капитала (25 %).

Заклад имел системообразующее для договоров займа значение. Наличие залога ставило залогодержателя в выгодное положение в случае возникновения спора, заклад же (а не проценты) нередко определял заинтересованность кредитора в предоставлении займа. В праве Северо-Западной Руси термином «заклад» обозначалось и движимое, и недвижимое имущество. Передача в за-

клад вещи рассматривалась как «вина», обременение, лежащее на самой вещи – вещь «виновата» другому лицу и эта вина выражается в определенной сумме долга. В большинстве закладных грамот (либо в грамотах, упоминающих о договоре залога) займодавцу предоставляется право пользования вещью и распоряжения её плодами, но не право распоряжения самой вещью. Тем не менее, залогодержатель был заинтересован в приобретении залога в собственность, то есть, как это ни парадоксально, в неисполнении обязательства должником. Отражение этого интереса кредитора видно в общем требовании закладных грамот, чтобы должник выкупил залог «своими кунами», то есть не занимая для этого денег на стороне.

В пятом параграфе «Договор найма» выявляется система видов договора найма, характерная для права Северо-Западной Руси.

Впервые выявлен формуляр договора имущественного найма, в одной из клаузул которого косвенно указывается на отношения зависимости, возникающие между сторонами при заключении сделки. В праве Киевского государства лицо, вступавшее в отношения личного или имущественного найма с «государем», не только утрачивало свою независимость, но и временно попадало в невольное состояние. Право Северо-Западной Руси в данном случае подчёркивает, что наниматель-«подсоседник» сохраняет свою правоспособность, равную правоспособности свободного лица, а его интересы защищаются законом в той же мере, что и интересы других свободных. Древнерусский договор имущественного найма ещё недостаточно чётко отделён от личного найма, что видно, в частности, из зависимого положения нанимателя. Сближает оба вида найма и условие, согласно которому «подсоседники» должны были оплачивать наём своей работой. Относительно договора личного найма право Северо-Западной Руси XII-XV вв. различает наём с сохранением полной свободы для наймита и наём с ограничением состояния свободы. В последнем случае нанимавшее лицо носило название «закупен». Исполнение договора, заключенного закупеном и государем, состояло в том, что закупен жил на земле государя, исполнял обя-

занности, которые он на себя принял, а следовавшее ему вознаграждение или засчитывалось в уплату занятого долга, или же выдавалось ему на руки.

В отличие от византийской или московской традиции, от принятых в Европе норм, право Северо-Западной Руси защищало интересы наймита, оговаривая для него право на получение наёмной платы даже при досрочном расторжении договора найма.

В шестом параграфе «Другие виды договоров» рассматриваются рядные сделки, а также обязательственные отношения, возникающие из договоров мены, раздела и хранения.

Договор мены носил двусторонний характер, то есть обе стороны брали на себя обязательства, при этом можно выделить основные и дополнительные обязательства. Основным является обязательство передать другой стороне предмет сделки. Как правило, предметом сделки были земельные участки – как пахотной земли, так и угодий. В некоторых случаях могли предусматриваться и дополнительные обязательства и условия, которые также фиксировались в меновой (например, сохранение прежнего правового статуса за угодьями, относившимся к главным участкам пахотной земли или исполнение церковных служб).

Рядные грамоты являются наиболее архаичной группой из известных видов древнерусских актов. Само название «рядная» указывает, что эти грамоты определяют широкий спектр договорных отношений *вообще* (рядом называлось любое договорное отношение). Клаузульный анализ позволил дополнить список известных рядных ещё шестью грамотами.

Формуляр отдельных грамот не являлся до сих пор предметом самостоятельного исследования, как и сами отдельные грамоты, оформлявшие договор раздела. Учитывая, что отдельные нередко смешиваются с рядными, важной является задача определить различия обобщенного формуляра отдельных и формуляра рядных грамот. В ходе проведенного клаузульного анализа были выявлены значительные различия: 1) в формуляре отдельных отсутствует вводная формула; 2) отсутствует характерная для рядных клаузула, содержащая

указание на конфликтную ситуацию, предшествовавшую заключению «ряда»; 3) обобщение в рядных формулируется в форме запрещения, в отдельных, как правило, в форме утверждения; 4) в отдельных грамотах отсутствует *sanctio* (за единичным исключением).

В сделке раздела могли участвовать не только две, а три и более сторон. Чаще всего субъектами договора раздела выступают «сябры»-совладельцы. Наряду с совместным владением, которое подразумевает совместную обработку земельного участка с последующим разделом плодов, был возможен и другой вариант, когда сябры делили свою землю не на идеальные части, а на реальные.

В период XII-XV веков правовое регулирование договора хранения существенно изменяется в сравнении с соответствующими нормами Русской Правды. Виды договора хранения, различающиеся по особенностям составления, выделяются в зависимости от субъектов правоотношения: 1) неформальный порядок договора хранения как дружеской услуги сохранялся для членов одного родового коллектива; 2) для лиц, проживающих в сельской местности, а также для лиц, заключивших договор хранения в условиях стихийного бедствия или гражданских беспорядков, предусматривалась упрощённая процедура; 3) общий порядок составления договора хранения предусматривался ст. 14 Псковской Судной грамоты, согласно которой требуется оформление сделки письменным актом, копия которого хранилась в городском архиве.

В целом, при общей формализации договора хранения в рассматриваемый период, сохраняется ограниченная законом сфера, в которой продолжает действовать правовое регулирование поклажи, установленное ещё Русской Правдой; правовое регулирование договора хранения становится более подробным и охватывающим различные казуальные ситуации.

В седьмом параграфе «Обязательства из причинения вреда» ставится проблема отделения обязательств из причинения вреда от уголовно-правовых штрафов, которые обычно смешиваются в исследовательской литературе.

В частных и публичных грамотах Северо-Западной Руси наиболее явным случаем рассматриваемых обязательств является конфискация («порубь») това-

ра представителей той или иной общины за вину их соотечественников. В данном случае важно, что под соотечественниками имеются в виду именно члены одной городской общины, а не вообще русские, немецкие и т.п. купцы. Основанием для обращения обязательства к общине являлась неспособность городских властей «дать правду», то есть обычным судебным порядком решить дело о возвращении долга. Сумма нового долгового обязательства могла быть взыскана с любого представителя «провинившейся» общины в форме конфискации товаров, а сама процедура конфискации могла сопровождаться иными репрессивными мерами – в частности, заточением в поруб.

Другими основаниями для возникновения обязательств из причинения вреда могли являться незаконное распоряжение «кормлей», потрава или использование угодий без разрешения. Различия между ними состоят в особенностях трактовки субъектов и предмета, установления факта ущерба – то есть основания для возникновения обязательства и т.п. Важным представляется то обстоятельство, что во многих обязательствах из причинения вреда значимую роль играет понятие коллективной ответственности, в качестве субъектов выступают либо родовой коллектив (например, в случае с «кормлей»), либо городская община (ответственность за долги одного из членов общины). В рассматриваемый период эта группа обязательств относилась к преимущественной регламентации обычным правом, однако законодатели уже делают попытки распространить на них свою компетенцию (назначение штрафов за неисполнение обязательств из причинения вреда, статья о распоряжении «кормлей» в Псковской Судной грамоте и др.).

Глава четвёртая «Система преступлений и ответственность в праве государств Северо-Западной Руси XII-XV вв.» состоит из пяти параграфов.

В историко-правовых исследованиях основанием для классификации системы преступлений обычно является объект преступления. В диссертации рассмотрение системы преступлений основывается на выделении двух критериев – объекта преступления и формы ответственности, предусматривавшейся за совершенное преступное деяние.

В первом параграфе «Разбой и грабеж» ставится и решается проблема разграничения в средневековом праве таких видов преступных деяний как «разбой» и «грабёж». Расширение круга источников позволяет с большой долей уверенности предполагать, что право Северо-Западной Руси под разбоем понимало вооруженное нападение, обычно с целью наживы, которое сопровождалось изъятием имущества и причинением вреда здоровью людей, вплоть до лишения жизни. Термин «грабеж» употребляется в узком смысле открытого посягательства на чужое имущество, не сопряженное с убийствами или иным насилием над личностью.

По Русской Правде разбойник подлежал «потоку и разграблению», посредством которого решались две задачи: 1) фактическое уничтожение личности самого преступника и его семьи (продажа в рабство, изгнание из общины или физическое уничтожение); 2) возмещение причиненного ущерба за счет полной конфискации и распродажи имущества преступника. Право Северо-Западной Руси XII-XV веков при установлении ответственности за разбой на первое место ставит проблему возмещения ущерба. Наиболее убедительным объяснением появления штрафа как наказания за разбой будет предположение об идущем в это время процессе индивидуализации наказания. Действительно, применительно к первой функции «потока и разграбления» как вида наказания индивидуализация проявляется в отстранении от уголовной ответственности членов семьи разбойника, за преступление отвечает только сам преступник; применительно ко второй функции – штраф заменяет конфискацию всего имущества и уничтожение дома, поскольку по возможности не должны пострадать интересы членов семьи преступника, штраф же, как предполагается, он может выплатить сам.

В параграфе втором «Перевет и поджог» определяется, какое место занимали эти деяния в системе преступлений на северо-западе Руси в XII-XV веках.

«Перевет» относится к числу преступлений, которые встречаются только в Псковской Судной грамоте и до нее не регулировались никакими другими ис-

точниками права. Однако сам термин впервые встречается в летописи при описании событий 1167 года. В свете летописных источников «перевет» можно трактовать как государственную измену, однако гораздо более точным будет определение «перевета» как предательства корпоративных интересов определённой общности (обычно – городской общины).

В период XII-XIV веков наказание за «перевет» осуществлялось обычно в виде «потока и разграбления», особенностью которого на северо-западе Руси являлось убийство преступника, при этом преступника сбрасывали с моста (топили) или вешали. В некоторых случаях оба вида смертной казни – вода и петля – могли символически соединяться в виде повешения на льду. Оба способа смертной казни направлены не только против физического существования человека, но и против его души, поскольку, по существовавшим тогда представлениям, душа растворена в крови и в случае удушения или утопления она не может выйти из тела (с чем связан запрет отпевать утонувших).

Поджог, так же как и «перевет», регулировался обычным правом Северо-Западной Руси задолго до упоминания о нём в Псковской Судной грамоте. Оба вида преступлений относятся к числу наиболее тяжких, угрожавших интересам городской общины (либо иной корпоративной общности) в целом. Ответственность за поджог также постепенно вырастала из «потока и разграбления», трансформируясь с течением времени в смертную казнь.

В третьем параграфе «Система преступлений, объединяемых вирной ставкой» рассматривается группа преступных деяний, посягающих на жизнь и здоровье свободных людей.

Целый ряд преступлений, объектом которых являлись жизнь и здоровье человека, в праве Северо-Западной Руси объединялись в единую систему посредством назначения за них вирных штрафов, то есть рассчитывавшихся от «базовой» одинарной виры в 40 гривен. В течение XII-XIII веков системообразующим элементом для этой группы наказаний являлась вира и производные от нее штрафы (двойная вира, полувирье и т.п.). Напротив, в XIV-XV веках источники права иллюстрируют постепенный отказ от виры.

Обычай выдавать убийцу «головой» указывает на еще не забытую в период XII-XV вв. традицию кровной мести. Результатом переосмысления виры как откупа от вероятной мести и смерти следует считать норму, встречающуюся в источниках права Северо-Западной Руси, согласно которой лицо, совершившее прелюбодеяние с чужой женой, обязывалось уплатить штраф в размере виры. Учитывая повсеместную распространенность обычая, разрешавшего в таких случаях убить прелюбодея на месте, штраф представляет собой выкуп жизни преступника и является в этом смысле прямым аналогом виры.

Штрафная санкция, равная вирной ставке, сближает с убийством принуждение истца к испытанию железом, которое рассматривалось в качестве вполне реальной угрозы жизни и здоровью испытуемого. Наконец, еще ряд положений источников права XI-XIII веков касаются телесных повреждений, штраф за которые исчисляется от вирной ставки. Связь между группой преступлений, наказываемых вирой, и преступлениями, наказываемыми половиной виры, очевидна: в первом случае речь идет о том, что родовой коллектив или община утрачивают одного из своих членов, полноценных работников, вторая группа преступлений (отсечение руки, ноги, глаза, носа) приводит к утрате хозяйственной полноценности одного из членов пострадавшей общности, который теперь уже представляет собой «половину человека» в силу наступившей хозяйственной неполноценности.

В архаический период становления права за все эти преступления предусматривалась возможность немедленного отмщения и убийства преступника, однако и в период XII-XV веков иногда выкуп за жизнь преступника не принимался и преступника убивали из мести. В период XIV-XV веков из всего разнообразия видов рассматриваемой группы преступлений, четко отличавшихся правом друг от друга, законодательные памятники регулируют только убийство. Понятие виры продолжает использоваться и в XV веке, однако штраф, назначаемый Псковской Судной грамотой за убийство, с прежней вирой уже не связан и составляет 1 рубль.

В четвертом параграфе «Причинение вреда здоровью и умаление чести» выявляются общие черты преступлений, наказываемых 12-ю гривнами и преступлений, наказываемых 3-мя гривнами продажи.

В основу правового регулирования этой группы преступлений Русской Правдой была положена система штрафов в пользу князя в размере 12 гривен и 3 гривны. Право северо-запада Руси XII-XIII веков сохранило эти же ставки, хотя и с некоторыми изменениями.

В большинстве случаев штраф в 12 гривен представляет собой прямой аналог виры, он уплачивается в случае убийства несвободного или зависимого лица, представлял собой выкуп жизни преступника. Штраф в 12 гривен назначался Русской Правдой также за действия, влекущие умаление чести потерпевшего, за оскорбление действием.

В течение XII-XV веков в праве Северо-Западной Руси протекают два взаимосвязанных процесса, имеющих отношение к рассматриваемой группе преступлений: 1) сокращается количество преступлений, которые трактуются как оскорбление действием – вместо широкого перечня норм, защищающих личную честь в самых разных ситуациях, в праве XII-XV веков остаётся ответственность за вырывание бороды и выбитый зуб; 2) схожие ситуации нанесения телесных повреждений, различавшиеся в Русской Правде на причинявшие вред здоровью или нарушавшие честь, в праве XII-XV веков унифицируются как группа преступлений, причиняющих вред здоровью, и за них назначается максимальная для этого вида преступлений штрафная ставка в 12 гривен. В связи с тем, что *de facto* произошла новая систематизация преступлений против чести и против здоровья личности, а также в связи с тем, что преступления, несущие вред здоровью, теперь стали наказываться штрафной ставкой, назначавшейся ранее за преступления, несущие оскорбление действием, возникла необходимость повысить штрафную ставку за сохранившиеся в праве преступления против чести (вырывание бороды).

В пятом параграфе «Виды татьбы» выявляется система видов преступлений, которые объединялись в древнерусском праве понятием «татьба».

Общим понятием для обозначения посягательств на чужое имущество являлась «татьба», однако древнерусское право знало различные виды татьбы, различавшиеся по тяжести наступавших последствий. Наиболее очевидно это разграничение в системе наказаний, которые устанавливались за конкретные виды татьбы.

Самым опасным видом татьбы считалось конокрадство. Рассмотрение развития законодательства о конокрадстве подтверждает, что и в X веке, и в XV веке конь оставался важнейшим элементом земледельческого хозяйства, с утратой которого выживание домохозяйства становилось невозможным. Помимо Псковской Судной грамоты, случаи казней «коневых татей» известны из летописей.

Относительно вопроса о трактовке термина «кримская татьба» наиболее убедительны два толкования – кража из Кремля или кража из церкви. Обе концепции имеют общее: и Кремль, и церковь – это места, защищенные особым «миром», согласно средневековому мировоззрению. С учетом этого обстоятельства противоречие обоих подходов не представляется существенным для общей оценки «кримской татьбы» в системе преступлений.

Другие виды татьбы наказывались продажей. При этом чётко выделяются две штрафные ставки – 12 гривен и 3 гривны. Различия в размере штрафа связаны с различным значением объекта посягательства для хозяйственной деятельности. В целом, соотношение между обычной татьбой и кражей значимых для хозяйственной деятельности вещей в праве Северо-Западной Руси в течение рассматриваемого периода изменяется: в Русской Правде штрафы за них соотносились как 1 к 4, в Псковской Судной грамоте – 1 к 3. Кроме того, в Грамоте добавляется новый критерий для отграничения видов татьбы друг от друга – важен не только объект, но и другие элементы объективной стороны (кража из закрытого помещения; кража из Кремля или церкви; кража, совершенная в третий раз).

Глава пятая «Судебный процесс и система доказательств» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Категория поличное и её особенности» предлагается новая, расширенная трактовка института «поличного» в средневековом русском праве.

Приоритетное положение «поличного» среди других доказательств закрепляется уже в первых известных источниках права Северо-Западной Руси XII-XV вв., наличие «поличного» делает ненужным привлечение других доказательств, так как дело считается завершенным, а вина доказанной. Большинство исследователей предлагает узкую трактовку термина «поличное», однако существуют основания полагать, что эта категория предполагала ряд функционально-близких явлений: материальные следы совершенного преступления, обнаружение краденого в доме подозреваемого, заклад, собственное признание, сделанное добровольно или под воздействием пыток.

Во втором параграфе «Свидетельские показания» оценивается роль свидетельских показаний в системе видов доказывания, выявляются категории свидетелей, характерные для древнерусского права.

Показания свидетелей в средневековом русском праве находились на втором месте по значимости после «поличного», являясь основным видом доказывания. Процесс формализации права предполагал, что письменные доказательства постепенно должны выходить на первый план, оттесняя свидетельские показания. Тем не менее, материал даже Псковской Судной грамоты, памятника XV века, показывает, что в некоторых случаях показания свидетелей имели большее значение, нежели письменные акты.

Характерное для Русской Правды противопоставление «видоки – послухи» было воспринято правом Северо-Западной Руси и преобразовано в пару «сторонние люди – послухи». «Видоки» (затем – «сторонние люди») не представляли ни одну из сторон, будучи вполне объективными, в то время как «послухи» являлись представителями той или иной стороны, будучи, видимо, генетически связаны с судом 12 свидетелей-соприсяжников.

В третьем параграфе «Письменные доказательства» оценивается место этого вида доказательств в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв.

Среди письменных доказательств источники права Северо-Западной Руси упоминают «записи» (грамоты), «рядницы» и «доски». Под грамотами понимаются формальные акты, заверенные должным образом и состоявшие изначально как формальное подтверждение вещного права или обязательственного правоотношения. «Рядницы» (запись устного договора, без надлежащего оформления, но которая могла получать дополнительную силу, если заверенная копия «рядницы» хранилась в городском архиве) являлись следующим по значимости видом формальных письменных доказательств. «Доски» представляли собой деревянные плашки, разрубленные вдоль на две идентичные части, при этом одна оставалась у должника, другая отдавалась кредитору. При исполнении обязательства обе половинки совмещались и после доказательства их соответствия, уничтожались.

В четвертом параграфе «Божий суд» определяются виды «божьего суда», их соотношение, по-новому раскрывается роль и процедура жребия в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв.

«Божий суд» использовался в средневековом судопроизводстве в тех случаях, когда «суд человеческий» заходил в тупик и истина по конкретному делу не могла быть установлена путем привлечения других видов доказательств («поличного», показаний свидетелей или письменных актов). Среди видов «божьего суда», использовавшегося в древнерусском праве, обычно упоминают присягу («роту»), «железо», «воду», «поле», жребий.

Летописный материал недвусмысленно указывает, что сущность присяги была тесно связана с представлением о единстве общины и ответственности перед общиной. Крестоцелование нередко было призвано подчеркнуть единство городской (или образованной по какому-либо иному принципу) общины перед лицом «чужаков».

В основе средневекового представления о судебном поединке («поле») лежит убеждение, что божественные силы принимают непосредственное участие в человеческих делах и не допустят, чтобы правый был побежден. Победивший на поле имел право получить полное удовлетворение своих претензий.

В том случае, когда поединок оканчивался смертью одной из сторон, победивший терял право на удовлетворение своего иска, но получал в свое распоряжение доспехи и одежду побежденного. Следует заметить, что каноническое право, крайне негативно относившееся к ордалиям вообще, прямо называло лицо, убившее противника на судебном поединке, убийцей и предусматривало соответствующее церковное наказание.

Гораздо реже, нежели присяга и поле, на Руси использовался такой вид ордалий, как испытание раскаленным железом. Единственным видом ордалий, к которому церковь относилась снисходительно, был жребий. Средневековое право вообще прибегало к жребию в сложных, запутанных, неразрешимых случаях. Решение спорных вопросов жребием было широко распространено и использовалось не только в судебных разбирательствах, но и при решении публично-правовых вопросов государственного и даже церковного управления. Противопоставляя жребий другим видам «божьего суда», Церковь доработала в основе своей языческую процедуру «вынятия» жребия: жребии, запечённые в хлебцы, раскладывались на трапезном столе, выбор производился «божьим» человеком (малолетним, убогим и т.п.), жеребьёвка сопровождалась специальной словесной формулой, напоминающей заклинание.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются обобщающие выводы по теме исследования.

Приложение представляет собой систематизацию нескольких групп преступных деяний: преступления против жизни и здоровья, объединяемые вирной ставкой, а также причинение вреда здоровью и умаление чести. Проведённая систематизация позволила проследить эволюцию рассматриваемых групп в течение XII-XV вв.

По теме диссертации опубликованы следующие работы автора:

Монографии:

1. Оспенников Ю.В. Правовая природа частных актов Северо-Западной Руси XII-XV вв. М., 2003. 234 с. (14, 63 п.л.)

2. Оспенников Ю.В. Брачно-семейные отношения в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. Самара, 2004. 258 с. (15 п.л.)
3. Оспенников Ю.В. Обязательственное право Северо-Западной Руси XII-XV вв. М., 2005. 250 с. (14, 53 п.л.)
4. Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. М., 2007. 552 с. (34,3 п.л.)

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикаций по кандидатским и докторским диссертациям:

5. Оспенников Ю.В. О видах брачных связей в русском праве XII-XV вв. // Правоведение. СПб., 2004. №5. С. 205-217. (1,1 п.л.)
6. Оспенников Ю.В. Виды договоров купли-продажи в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Право и политика. М., 2004. № 10. С. 125-133 (1 п.л.)
7. Оспенников Ю.В. Отношения родства как препятствие к заключению брака в древнерусском праве // Известия Самарского научного центра РАН. Май 2004. С.273-279 (0,87 п.л.)
8. Оспенников Ю.В. Признание брачно-семейных отношений: исторический аспект // Современное право. М., 2004. № 10. С. 72-73; № 11. С. 60-62 (0,69 п.л.)
9. Оспенников Ю.В. Трактровка разбоя в праве Северо-Западной Руси XII-XV веков // Вестник Самарской государственной экономической академии. 2005. №1 (16). С.199-205. (0,56 п.л.)
10. Оспенников Ю.В. Правовая природа «ряды» на северо-западе Руси в XII-XV вв. // Известия Самарского научного центра РАН. Май 2005. С.174-181. (0,94 п.л.)
11. Оспенников Ю.В. Жребий в русском праве в X-XV вв. // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 3 (48). С. 122-127. (0,75 п.л.)

- 12.Оспенников Ю.В. О значении штрафа в 12 гривен в русском праве XII-XV вв. // История государства и права. 2006. №4. С. 6-9. (0,5 п.л.)
- 13.Оспенников Ю.В. Проблема соотношения категорий «свидетели» и «послухи» в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2006. №6 (24). С. 210-212. (0,5 п.л.)
- 14.Оспенников Ю.В. Вирная штрафная ставка в древнерусском праве // Право и политика. 2008. №5 (101). С.1269-1274. (1,25 п.л.)
- 15.Оспенников Ю.В. Перевет и поджог в древнерусском праве // Право и политика. 2008. №6 (102). С.1517-1520. (0,75 п.л.)
- 16.Оспенников Ю.В. Институт дарения в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Государство и право. 2008. №7. С. 62-70. (1,25 п.л.)
17. Оспенников Ю.В. Проблема определения древнерусского договора выкупа // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. №1. С. 199-201. (0,37 п.л.)
18. Оспенников Ю.В. Эволюция системы наказаний по русским летописям XI-XIII вв. // Право и государство. 2009. №8. С.113-116. (0,5 п.л.)
19. Оспенников Ю.В. Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. №1 (11). С. 127-131. (0,62 п.л.)

Учебные пособия:

- 20.Оспенников Ю.В. Источники русского права X-XV вв: Учебное пособие. Самара, 2009. 136 с. (8,5 п.л.)

Статьи и материалы конференций:

- 21.Оспенников Ю.В. Судебные органы по Псковской Судной грамоте // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 23. Тольятти, 2002. С.258-263. (0,38 п.л.)
- 22.Оспенников Ю.В. О видах земельной собственности в Псковской земле в XIV-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 25. Тольятти, 2002. С.234-249. (1 п.л.)

- 23.Оспенников Ю.В. Институт «кормли» в псковской земле XIII-XV вв. // Вопросы гуманитарных наук. 2003. №2. С.152-155. (0,5 п.л.)
- 24.Оспенников Ю.В. Особенности оформления договора займа в праве Северо-Западной Руси в XIII-XV вв. // Юридические науки. М., 2003. №2. С.14-19. (0,75 п.л.)
- 25.Оспенников Ю.В. О формуляре духовных северо-западных русских земель XIII-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 27. Тольятти, 2003. С.200-207. (0,5 п.л.)
- 26.Оспенников Ю.В. Формуляр купчих грамот северо-западных русских земель XIII-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 28. Тольятти, 2003. С.213-220. (0,5 п.л.)
- 27.Оспенников Ю.В. Особенности данных грамот Северо-Западной Руси XIII-XV вв. // Вопросы гуманитарных наук. М., 2003. №5. С.88-93. (0,75 п.л.)
- 28.Оспенников Ю.В. Проблема уточнения формуляра духовных грамот северо-западных русских земель XIII-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 29. Тольятти, 2003. С.172-179. (0,5 п.л.)
- 29.Оспенников Ю.В. Формальная сторона договорных отношений в праве Северо-Западной Руси XIII-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 31. Тольятти, 2003. С.215-224. (0,63 п.л.)
- 30.Оспенников Ю.В. Формуляр купчих грамот как элемент правовой традиции северо-западных русских земель XIII-XV вв. // Актуальные проблемы современной науки. М., 2003. №2. С.97-101. (0,63 п.л.)
- 31.Оспенников Ю.В. Юридическая природа «кормли» в Пскове XIII-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 32. Тольятти, 2003. С.258-263. (0,38 п.л.)
- 32.Оспенников Ю.В. Правовое регулирование залога в праве Северо-Западной Руси в XIII-XV вв. // Вестник Волжского университета им.

- В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 33. Тольятти, 2003. С.142-151. (0,63 п.л.)
- 33.Оспенников Ю.В. Принуждение в древнерусском брачно-семейном праве // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 34. Тольятти, 2003. С.188-194. (0,44 п.л.)
- 34.Оспенников Ю.В. Двойственность трактовки преступления и наказания на Северо-Западе Руси в XIII-XV вв. // Актуальные проблемы юридической ответственности: Материалы межвузовской научно-практической конференции 24-25 апреля 2003 г. Тольятти, 2003. С.95-97. (0,19 п.л.)
- 35.Оспенников Ю.В. Родственные отношения в древнерусском брачном праве // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 39. Тольятти, 2004. С. 252-262. (0,69 п.л.)
- 36.Оспенников Ю.В. Оформление брака в древнерусском праве // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 40. Тольятти, 2004. С.173-181. (0,56 п.л.)
- 37.Оспенников Ю.В. Прекращение брака в древнерусском праве: соотношение теории и практики // Проблемы теории и юридической практики в России: Материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, специалистов и студентов. 17-18 марта 2004 года. Самара, 2004. С.182-184. (0,19 п.л.)
- 38.Оспенников Ю.В. Проблема третьего и четвертого брака в праве Северо-Западной Руси XII-XV веков // Актуальные проблемы правоведения. Самара, 2004. №2(8). С.31-36. (0,75 п.л.).
- 39.Оспенников Ю.В. Договор мены в праве Северо-Западной Руси XII-XV веков // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 43. Тольятти, 2004. С. 248-254. (0,44 п.л.)
- 40.Оспенников Ю.В. Договор выкупа в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта: Материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы развития пред-

- приятый: теория и практика». 25-26 ноября 2004 г. Ч.3 / Отв. ред. А.Е. Пилецкий. Самара, 2004. С. 177-181. (0,31 п.л.)
- 41.Оспенников Ю.В. Правовая природа договора купли-продажи в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 43. Тольятти, 2004. С. 236-247. (0,75 п.л.)
- 42.Оспенников Ю.В. Договор дарения в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Актуальные проблемы правоведения. Самара, 2004. №3 (9). С. 51-58 (1 п.л.)
- 43.Оспенников Ю.В. Обязательства из причинения вреда в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 44. Тольятти, 2004. С. 193-200. (0,5 п.л.)
- 44.Оспенников Ю.В. Проблемы ответственности в древнерусском праве за вступление в брак близких родственников // Материалы международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Правоотношения и юридическая ответственность. Ч.1. Тольятти, 2004. С.237-241 (0,25 п.л.)
- 45.Оспенников Ю.В. Дарение «за вклад», «в вечный хлеб» и назначение приданого в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 45. Тольятти, 2004. С. 249-258. (0,63 п.л.)
- 46.Оспенников Ю.В. Договор найма в праве Северо-Западной Руси XII-XV вв. // Политика и общество. М., 2004. № 6. С. 134-145. (1,25 п.л.)
- 47.Оспенников Ю.В. Договор хранения в правовой традиции Северо-Западной Руси XII-XV веков // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 46. Тольятти, 2004. С. 248-252. (0,31 п.л.)
- 48.Оспенников Ю.В. Юридическая природа частных актов Северо-Западной Руси XII-XV веков // Источники в историко-юридическом исследовании.

- Уральские историко-юридические чтения (Всероссийская научная конференция). Четвертая сессия. 16-18 апреля 2004 г. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 2004. С.10-12 (0,29 п.л.)
- 49.Оспенников Ю.В. Регулирование договора залога в праве Северо-Западной Руси в XIII-XV веках // Правовые проблемы регулирования экономических отношений: Материалы Междунар. науч. конгресса «Проблемы качества экономического роста», 27-28 мая 2004 г. Ч.4. Самара, 2004. С.210-213 (0,25 п.л.).
- 50.Оспенников Ю.В. Проблема уточнения содержания и формы новгородских и псковских рядных грамот XII-XV веков // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 46. Тольятти, 2004. С. 252-263. (0,75 п.л.)
- 51.Оспенников Ю.В. Особенности договора хранения в правовой традиции Северо-Западной Руси XII-XV веков // Материалы Международной научной конференции «Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики». Ч. 1. Правоотношения и юридическая ответственность. Тольятти, 2005. С. 96-100. (0,31 п.л.)
- 52.Оспенников Ю.В. Ответственность в праве Северо-Западной Руси за причинение вреда здоровью // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 49. Тольятти, 2005. С.221-230. (0,56 п.л.)
- 53.Оспенников Ю.В. К проблеме трактовки «перевета» // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 53. Тольятти, 2005. С. 195-203. (0,5 п.л.)
- 54.Оспенников Ю.В. Жребий в системе «божьего суда» на северо-западе Руси в XII-XV вв. // Материалы Международной научной конференции «Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики» // Правоотношения и юридическая ответственность. Ч. II. Тольятти, 2006. С.36-39. (0,25 п.л.)

- 55.Оспенников Ю.В. Свидетельские показания в древнерусском праве // Актуальные проблемы юридической науки: Сб. науч. тр. Вып. 4. Тольятти, 2008. С.354-359 (0,5 п.л.)
- 56.Институт «поруба» в средневековом русском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2008. №1 (1). С.109-114. (0,75 п.л.)
- 57.Оспенников Ю.В. Уголовная ответственность по русским летописям XI-XIII вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2008. №2. С. 147-149 (0,44 п.л.)
- 58.Оспенников Ю.В. Наказания на северо-западе Руси по летописным известиям XI-XIII вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. №2 (5). С. 116-122. (0,94 п.л.)
- 59.Оспенников Ю.В. Система наказаний на Северо-Западе Руси по летописным известиям XI-XIII вв. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. №3. С.24-27 (0,4 п.л.)
- 60.Оспенников Ю.В. О системе вещных прав на северо-западе Руси в XII-XV вв. // Актуальные проблемы юридической науки: Сб. науч. тр. Вып. 6. Тольятти, 2009. С.265-269 (0,5 п.л.)

Общий объем опубликованных работ – 121,4 п.л.